

ВЛАД РАЙБЕР

16+

КРИПТОСТА

Влад Райбер
Крипипаста

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Райбер В.

Крипипаста / В. Райбер — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-96139-5

Сборник страшных рассказов. Герои этих историй сталкиваются с ужасными и необъяснимыми явлениями. Встречи с призраками, временные ловушки, пустые миры, проклятые артефакты и смертельные товары из интернет-магазинов. В настоящий сборник вошли уже известные произведения автора и ранее не публиковавшиеся.

ISBN 978-5-532-96139-5

© Райбер В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Рассказы людей, которым никто не поверил	5
Дух радиоэфира	8
Убийца с костяным ножом	14
Интервью с охотником за привидениями	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Влад Райбер

Крипипаста

Рассказы людей, которым никто не поверил

Когда мне было лет тринадцать, я каждый месяц покупал журнал, который можно назвать литературным. В нём публиковали рассказы известных и не очень писателей в жанре ужасов и триллеров, а также письма читателей журнала. Скорее всего, большинство этих писем были составлены работниками редакции. Не получали же они по двадцать писем каждый месяц. А если и получали, то сколько из них годились для печати?

Даже ребёнком я всё это понимал, но истории без художественных оборотов, истории, рассказанные так, будто всё это случилось на самом деле, были для меня чем-то особенным. И не важно, выдумки это или нет. Хотя случалось, что я и верил.

Слово «крипипаста» я узнал, когда опубликовал свою первую историю в интернете. Городские легенды, жуткие истории, интернет-фольклор. По-моему, это очень интересный жанр.

Мне понравилось, что многим читателям не важно, выдумал ли ты эту историю или же она произошла с тобой на самом деле. Хотя несколько раз меня упрекали в комментариях, что я ввожу людей в заблуждение, выдумывая одну историю за другой. Поэтому в каждую новой истории я стал указывать имена героев, намекая, что рассказчик вовсе не я.

Так за несколько лет и родился цикл моих историй, который в этом сборнике называется «Рассказы людей, которым никто не поверил».

Я старался создавать нечто среднее между художественной литературой и «историями из жизни». И всегда оставлял читателю свободу выбора, чтобы все события можно было рассматривать и с мистической точки зрения, и объяснить рационально.

Бывало меня спрашивали: «А это правда?». Были и те, кто не спрашивали, а сразу начинали мне объяснять, что на самом деле произошло в той или иной истории.

Вас интересует: верю ли я в мультивселенную, призраков, инопланетян, ведьм или хотя бы во что-нибудь? Честно говоря, нет. Не верю. Хотел бы верить, да не могу. И не потому, что ни с чем таким никогда не сталкивался. У меня тоже есть пара случаев на памяти.

Как вам история о мёртвых лебедях?

Было мне пять лет. Мы с мамой и двумя сёстрами приехали в гости к бабушке. Не представляйте себе домик в глухой деревушке. Моя бабушка жила в квартире в другой части моего города... Когда пришло время спать, нас – троих детей – положили на одну кровать. Мама легла на другую. Я проснулся глубокой ночью, и стало мне как-то неуютно. Решил, что лучше будет лечь с мамой. Сел, свесил ноги с кровати и увидел, что на полу валяются белые птицы. Так и светились в темноте. Они лежали неподвижно, раскинув крылья и вытянув длинные шеи. Этих птиц я и назвал «мёртвыми лебедями». В полусне я побрёл к маминой кровати, перешагивая через птиц. Было страшно наступить. Утром я рассказал маме, что ночью на полу валялись мёртвые птицы. Что мне сказали на это взрослые догадаться не трудно: «Всё это тебе только приснилось, деточка». Вот только моя старшая сестра тоже проснулась, когда я решил уйти к маме, и она тоже видела на полу мёртвых птиц. Добавляла, что всюду были их перья.

Только кто станет верить детским страшилкам? Я бы не верил.

Хотя и у моей бабушки была своя история про домового. Жила она в молодости в заброшенном бараке... В детстве я не знал, что такое барак, поэтому до сих пор это слово вызывает у меня какие-то неприятные чувства, будто это какое-то мрачное место, где обязательно водится какая-нибудь чертовщина... Так вот, каждую ночь моя молодая бабушка слышала шум

воды, будто течёт с потолка. Но утром оказывалось, что воды на полу нет, что дождя не было, да и крыша целая – не течёт.

А однажды ночью на неё накинута кто-то тёмный, лохматый и невероятно тяжёлый. Существо придавило бабушку к кровати так, что она не могла пошевелиться. Руки, ноги, шея – ничего не двигалось. Вне себя от ужаса бабушка нашла в себе силы освободить руку и перекрестила существо. Всё тут же исчезло!

Утром бабушка собрала вещи и бегом оттуда. Приехала к брату в город, сказала: «Буду у тебя на полу перед дверью спать, только прими. Туда я больше не вернусь». Не выгнал её брат, поверил в историю про домового.

Сейчас бы в комментариях под этой историей написали: «Просто сонный паралич и игра воображения».

Моя бабушка знала ещё много страшилок, которыми пугала нас. Вот пишу и вспоминаю историю про ведьму. Пришла к деревенскому мужику бабка, про которую все говорили, будто она ведьма. Села на лавку и сидит, разговаривает с мужиком. А он решил её проверить: взял навесной замок, закрыл его на ключ и бросил в печку. Бабка сидит, сидит и всё не уходит, будто к лавке приросла. Уже и вечер наступил. Мужик спрашивает: «Что ты всё сидишь? У тебя, наверное, дома дела». А бабка ему говорит шепотом: «Вынь замок-то из печки». Мужик, будто удивившись: «Зачем?». Старуха жалобно так: «Ну, вынь замок, пожалуйста!». Мужик достал замок из печки – бабка молча встала и ушла.

Или вот ещё: шёл молодой парень по лесу, видит чёрный козлёнок бегаёт. Похоже, ничейный. Решил парень взять его себе. Взвалил на плечи и понёс домой. Тащит, тащит, и тут животное грубым мужским басом с козлиным бляением спрашивает: «Куда ты меня несёшь?».

Ух и страшно было в детстве!

Бабушка рассказывала про одну женщину, которая спит ночью только при свете, потому что как только она гасит свет в комнате, появляется её покойная мать и говорит не переставая: «Пойдём гулять! Пойдём в огород! Пойдём родственников навестим!».

Бабушка и сама во все эти истории верила. Много у неё их было.

Я бы и сам вспоминал и рассказывал, если бы верил. Вот случилось со мной такое: был я подростком. Мы с другом в каникулы гуляли допоздна. Темнело. Мы шли по пустой дороге рядом с липовой аллеей. Шли, разговаривали о чём-то. И я вижу боковым зрением, как с аллеи мне на встречу выдвигается тёмная человеческая фигура. В сумерках она казалась чёрной, как тень. Я не обращал внимания – идёт себе и идёт. Но сумеречный человек так резко приблизился, и я почувствовал, что сейчас мы столкнёмся. Я был уверен, что кто-то врезался в меня, но ничего не почувствовал, будто человек прошёл сквозь меня.

Я вздрогнул, резко остановился и ухнул от страха. Мой друг посмотрел на меня с удивлением: «Ты чего?». Я оглянулся назад – там никого не было, пустая улица. Я спросил друга, видел ли он человека, друг ответил, что никого не видел. Я рассказал другу, что произошло.

«Показалось, – успокоил он, а потом добавил без усмешки. – А может быть это приходили за тобой?».

Что я сам об этом думаю? Показалось. Мало ли чего может померещиться в темноте? Не могу серьёзно относиться к таким случаям. Так устроен мой мозг: рассказы о мистическом и таинственном – это просто увлекательные истории. Но от этого интереса к ним у меня не убавляется. Бывает, что и жутковато становится.

В этот сборник я не стал включать рассказы «Правда о том, что случилось с мисс Гранде» и «Серебристый цилиндр». Оба этих рассказа мне нравятся, но они не туда и не сюда. Ещё не стал включать «Предсмертное свидание», о котором вы вряд ли что-то слышали, и «Таинственный голос». Они хоть и вписываются в цикл, но их я считаю неудачными. Уж скорее это была проба пера. Тренировка. Если вам будет интересно, то их можно найти – по интернету они тоже хорошо расходились.

Специально для этого сборника написал рассказы «Вторжение чёрных шаров» и «Призрак динозавра». Включил не слишком популярную историю «Когда снится мёртвый» – её мне очень давно рассказывал друг, говорил, что это случилось с его родственницей.

Приятного вам прочтения.

Дух радиоэфира

Теперь я и не знаю, что лучше: никогда бы этот голос не слышать или чтобы всё было как было. Странности в моей жизни начались с того, что по радио заиграла песня «Есть люди, как на волнах гребешки». Не пытайтесь вспомнить, вы такую песню не знаете. Её знаю только я и знал друг моего детства Женя. Он сам эту песню сочинил. И если бы она не заиграла тогда, то случилась бы трагедия. Ведь я чуть не сбил человека...

Это случилось в середине лета. Я возвращался домой поздно. Свернул с Дмитровского шоссе на дорогу, которая ведёт по лесистой местности мимо пионерлагеря «Космонавт». Там ни одного фонаря, но так до моего дома было короче. Дорога эта прямая, длинная, и асфальт на ней удивительно ровный. Если ехать днём, то надо быть внимательным – всюду бегуны и велосипедисты. Но тогда был час поздний – ближе к полуночи.

Ехал я уставший, расслабленный, смотрел вперёд на пустую, всюду одинаковую дорогу, и ведущий по радио говорил так неторопливо, убаюкивающе. И играли одна за одной спокойные песни... Я не знал, что за рулём в самом деле можно уснуть. Думал «спать за рулём» – это так говорят про невнимательных водителей.

Но я похоже уснул взаправду. На десять секунд или на пятнадцать. И в эти несколько мгновений я отчётливо услышал «Юрка, не спи!», а потом заиграла давно забытая гитарная мелодия и высокий подростковый голос запел:

*Есть люди, как на волнах гребешки,
Я вспоминаю их от тоски.*

*Или тоска от воспоминаний.
По правде, не знаю.*

Это был голос Женьки... Уверен, что он ещё звучал из динамиков, когда я вздрогнул, очнувшись от сна. И в ту же секунду я увидел прямо перед собой спину велосипедиста. У него на куртке горели светоотражатели, на заднем колесе ярко мерцала сигнальная фара. Велосипедист, разумеется, слышал, что машина приближается, но беспечно крутил педали, прижавшись к обочине. Откуда ему было знать, что я заснул и несусь прямо на него?!

Всё решила одна десятая секунды. Я вывернул руль, машину повело, и она чуть не слетела с дороги. Шины издали оглушительный звук. Я вдавил тормоз. И хорошо, что ремень был на мне! А велосипедист оглянулся только раз и спокойно поехал дальше, так и не поняв, что был в большой опасности.

Я же не мог разжать руки. Так сильно сдавил руль, что болели пальцы. Сердце колотилось с невероятной силой. И если уж со мной тогда не случился инфаркт, то теперь я могу быть уверен, что его у меня не будет никогда.

Чуть успокоившись, я проехал немного и увидел справа от себя блеск воды. Там внизу был пруд. Я оставил машину и пошёл умыться. Долго плескал себе в лицо холодной водой, тёр глаза, чтобы больше случайно не уснуть в дороге. Но это было лишней мерой. После того случая меня ещё очень долго не тянуло спать.

В ту ночь я почти не думал о голосе Женьки, который меня спас. Всё-таки услышал я его сквозь сон. Тут и гадать нечего.

Мне не давала покоя другая мысль: а что если я бы сбил велосипедиста... Сразу бы повёз его в больницу? Не стал бы мешкать? А если бы он лежал мёртвый... Я бы не стал рассуждать, что ему уже всё равно, а мне ещё жить, и что валить отсюда надо? Как бы я себя повёл? Благо, мне не выпал случай это узнать.

И всё же я слышал песню Женьки. Она звучала из динамиков, теперь мне это ясно. Этот голос мне ещё потом являлся, и слышал его не один я...

С Женькой мы дружили очень давно. Виделись только летом. Он жил в другом городе и приезжал пожить к бабушке на все три месяца каникул. Этот парень был старше меня на два года.

Я всегда с большим нетерпением ждал его приезда. Он был человеком, который чувствовал жизнь. Он мог описывать свои чувства такими словами, которые мне и в голову не приходили. Ровесники считали его чудаком, а я нет. Женька пел и очень здорово играл на гитаре, а потом и сам начал сочинять песни. Мне они всегда казались не очень складными. Наверное, не зря. Но на гитаре он играл здорово. С этим никто бы не поспорил.

Свой главный хит Женька написал, когда вернулся из «Орлёнка». Он провёл три недели у моря, подружился с ребятами и не мог их забыть. Однажды Женька вынес гитару, сел на шину, торчащую дугой из земли, и запел:

*Есть люди, как на волнах гребешки,
Я вспоминаю их от тоски.*

*Или тоска от воспоминаний.
По правде, не знаю.*

*Такие они: пахнут морем и ветром,
Горячим песком и солнечным светом.*

*Они мне как небо, как облака,
Все эти люди – мечта и тоска.*

*Я их вспоминаю с глубокой тоской,
И так благодарен, что были со мной.*

Это не вся песня, были ещё куплеты, но я их не помню. Что-то про закат и «орлятские круги». Когда Женька закончил петь, то не спрашивал «Ну, как?» и не ждал моих оценок, он вообще никогда не искал критики. Но я всё-таки сказал: «Прикольно!».

Женька поморщился и ответил: «Это не прикольно. Это искренне. Понимаешь? Искренне!».

Я кивал. Мне было тринадцать, и я не очень хорошо мог так же описывать свои чувства, как мой друг.

Женька мне потом ещё много раз пел эту песню. А я, запоминая слова, спрашивал у него, может ли пахнуть солнечный свет?

Может. Конечно же может!

Это было последнее лето с Женькой. Я запомнил своего друга в прозрачном зелёном дождевике. Конец августа выдался очень непогожим. Женька стоял на остановке с матерью, они ждали автобус, чтобы уехать обратно в свой город.

Следующим летом я прождал Женьку до середины июня. К бабушке его я не заходил и ничего не спрашивал. Мне тогда казалось, что Женькина бабушка очень злая и детей не любит.

Однажды, когда я сидел во дворе того дома, надеясь увидеть друга, ко мне подошли трое ребят. С этими мальчишками Женька иногда гонял в футбол.

– Ты Женьку не жди. Он не придёт, – сказал мне один.

– Почему? – спросил я.

– Он не приедет вообще, – ответил другой.

– Откуда ты знаешь? – я подумал, что этим ребятам просто надоело, что я каждый день прихожу к ним во двор.

– Скажи ему, – толкнул один другого в бок.

– Чего сказать?

– То что ты нам сказал.

Оба замолчали, а потом вмешался третий:

– Умер Женя.

– Как умер? Не мог он умереть! – заорал я, чувствуя, что сейчас заплачу.

– Правда умер, – сказал первый и посмотрел на меня сочувственно. – Так пацаны из его школы сказали. Зимой ещё перестал ходить в школу. Заболел сильно и умер.

Ничего на свете я не любил так, как летние каникулы. Но то лето было самым несчастливым временем в моей жизни. Я потерял друга, какого у меня никогда больше не было.

Вот я и не удивился, что мне послышалась Женькина песня. Я его вспоминал иногда, поэтому подсознание в минуту опасности стало давить на больное, чтобы вырвать тело из сна. Мне это объяснение казалось логичным, а потом это снова произошло.

Спустя две недели после происшествия на дороге.

Дома у меня был ремонт, и я временно переехал в квартиру, где раньше жила моя тётя. Квартирка страшная, обои не меняли лет тридцать, полы скрипучие и запах, как во всех старых домах. Стыдно мне было приглашать к себе свою подругу, но что делать, если просятся в гости?

Вечер был поздний, мы заказали две пиццы, включили фильм, уже и не помню какой... Настроение было весёлое. А потом я услышал тихую мелодию. Такие знакомые гитарные ритмы. Я прислушался: музыка доносилась из-за двери в прихожую. Моя подруга тоже посмотрела на дверь.

Я, стараясь не замечать этого, сделал на телевизоре звук погромче. Но у моей подруги стало какое-то неясное выражение лица. Между бровей появилась вопросительная складка. Видимо, понимала, что я чем-то встревожен. А мелодия всё играла. Пусть и очень тихо, едва слышно.

Продолжалось это примерно минуту, а потом я услышал зов:

«Юра! Ну Юра!», – голос этот гудел и дребезжал, будто звучал из телефонной трубки или старого радиоприёмника. Это был Женькин голос. Я в ужасе замер. Подумал: всё, крыша съехала.

А подруга на меня смотрит и говорит:

– Разве мы тут не одни?

– В смысле? – сипло выдохнул я.

– Ты разве не слышишь? – девушка неуверенно посмотрела на дверь. – Мне кажется, там тебя кто-то зовёт.

Я должен был что-то ответить, чтобы не пугать подругу, но мне нечего было сказать. Я приложил руку к голове и почувствовал, что затылок у меня мокрый.

«Юра!», – снова позвали меня. Мы с подругой переглянулись. Лицо у неё было как простыня бледное.

– Да не бойся ты. Это дети на улице кричат, – сказал я, сам в это не веря. Но встал и пошёл в прихожую.

Голос, как мне казалось, шёл из второй комнаты, где не было света. Я трусливо толкнул дверь. Посветил с порога телефоном. Никого. Шкаф, стол и пустая кровать, где когда-то спала моя, ныне покойная, тётка.

Я подошёл к окну. Может, и правда кто-то с улицы кричал? Смотрю, а во дворе на скамейке расставили бутылки два калдыря. И один из них, жирный боров, тянет руки к худенькой девушке в узеньких джинсах.

Было ясно, что он приглашал девушку присоединится к нему и его другу. Не слышал, что отвечала ему девушка, но явно не желала составлять им компанию. Почему ей было просто не убежать? Я пригляделся, а у жирдяя в одной руке женский клатч с блестящей цепочкой.

И тут что-то сзади меня как шаркнуло. Я аж на месте подпрыгнул. И тут же понял, что это сигнал, мол, «Что ты стоишь? Выручай девушку!».

Я выскочил в прихожую, влез в ботинки и побежал на улицу. Их было двое, но уж с двумя выпивохами я как-нибудь справлюсь. Я осанился, плечи расправил. Эти двое сразу почувствовали опасность.

Поняв, что они меня боятся, я совсем рассвирепел. Подошёл и шумно сгрёб ногой их бутылки на землю.

– Мужик, ты чего? – растерялся лысеющий сорокалетний толстяк. Его рябой тощий друг молчал.

– Сумку девушке отдай! – рявкнул я.

Смотрю, а девушке-то этой лет пятнадцать. Отвращение к алкоголику возросло. Девчушка получила свой клатч назад и тут же унеслась. А я остался, чтобы почитать нотации алкоголикам.

– Вы чего тут рассеялись, бродяги? Вам пойти некуда? Давайте, сейчас позвоню, в отделении переночуете, – говорил я.

Толстяк просил меня остыть, а рябой сидел и помалкивал, будто он тут и не при чём.

– Часто ты тут у девочек сумки снимаешь? – я смотрел толстяку в лицо.

– Ничего я не отнимал. Она сама уронила, – алкаш заметно злился, но драться со мной не собирался.

– Повод познакомиться нашёл? Рожу свою пропитую видел? – не отставал я и не успокоился, пока не увидел в их глазах полнейшее унижение.

Потом я велел им собрать мусор и убраться куда подальше. Рябой с готовностью собрал бутылки в пакет, и алкаши ушли.

Вы, конечно, можете усмехнуться и не без иронии сказать: «Ох, каков герой!». И это будет справедливо. Была во мне такая черта: желание погеройствовать. И не так, чтобы только ради справедливости, а ещё чтобы покрасоваться перед другими и собой полюбоваться. Правда-правда, было во мне такое. Может, на то и был расчёт?..

Вернувшись домой, я спросил свою подругу, что она слышала. Девушка рассказала, что сначала ей казалось будто кто-то играет на гитаре, а потом какой-то мальчик стал звать меня по имени. Всё верно!

Предполагаемый источник звука я нашёл утром. Заглянул в комнату и увидел на столе старый радиоприёмник VEF-202, на который никогда не обращал внимания. Приёмник этот был в включён в розетку и, оказывается, работал. Когда я приложился к нему ухом, то услышал тихое шипение.

– Спасибо тебе, Женька, – сказал я, глядя на радиоприёмник.

Тревоги не было. Наоборот, мне стало радостно. В призраков я до этого особо не верил. Всегда хотел верить, но не мог. Никогда не сталкивался ни с чем подобным. А теперь у меня появился невидимый помощник. Я посчитал это редкой удачей. Приятно ведь думать, что есть некий добрый дух, который бережёт тебя от промахов и призывает на помощь другим людям. А уж если это твой друг детства, по которому ты скучал, это вдвойне приятнее.

Когда я переселился обратно в свою квартиру, то забрал с собой приёмник. Его я никогда не выключал и не менял волну. В машине тоже стал чаще включать радио и даже взял привычку слушать радио в телефоне. Ведь Женькин голос я оба раза слышал не из телевизора и не из компьютера, вот и решил, что душа моего друга обитает где-то в радиоволнах.

Я ждал, когда Женька снова со мной заговорит. Особенно надеялся, что кто-нибудь будет в беде, а я спасу. Всё этот мой комплекс героя...

Долго пришлось ждать, но голос посетил меня ещё однажды, и я был застигнут врасплох. Случилось это в конце августа. Глубокой ночью я не спеша брёл по проспекту на окраине города. Просто так гулял, потому что не мог уснуть.

На улице было тихо. Ни машин, ни людей, одни бродячие собаки. И вдруг на всю улицу прогремел голос: «Юра, сюда!». Он вырвался из темноты справа от меня, там, где была лесополоса, и над деревьями тучей взлетели испуганные птицы.

– Ю-ю-ю-р-р-ра! – снова послышался крик. На этот раз голос походил на грохот листа железа.

– Бегу Женька, бегу, – я почувствовал, как кровь ударила в голову.

За деревьями стояло старое низенькое здание с колоннами. По виду заброшенный железнодорожный вокзал. Я обошёл его вокруг – так и есть: позади в землю вросли деревянные шпалы без рельсов. Очень старый вокзал. Голос гремел с чердака из помятого репродуктора, по которому когда-то объявляли о прибытиях и отправлениях поездов.

«Вордирдверь!», – кашлянул репродуктор. Я смотрел вверх не понимая, что это значит.

«ВОРДИРДВЕРЬ», – громче, но также неразборчиво донеслось из жестяного рожка.

Но на этот раз я догадался, что это значит. Войди в дверь! Освещая себе путь фонариком телефона, я вошёл под крышу. Несколько раз с силой дёрнул на себя тяжёлую дверь и наконец открыл. В воздух поднялась пыль.

«И кого мне тут спасать?», – усомнился я, но было поздно. Я только сделал шаг и гнилые доски подо мной треснули. Я провалился под пол. Пролетел метра два и упал прямо на бутылочные стёкла и торчащие гвозди. Валяясь в пыли и в мусоре, я услышал смех. Он звучал из репродуктора. Это был Женькин смех. Звонкий, мальчишеский и злобный. Я пытался подняться, но не мог, а смех всё ещё дребезжал надо мной.

Думаю, что это была не просто злая шутка, а попытка меня убить. Я сломал руку, напорся ногой на разбитую бутылку и истекал кровью. Мне повезло, что мой мобильник упал недалеко от меня и я смог набрать 112. Сам бы я оттуда не выбрался.

Зачем мой друг Женька это сделал? Ведь в детстве мы ни разу серьёзно не поссорились, и вряд ли он мог держать на меня какую-нибудь обиду. Об этом я думал два месяца пока носил гипс, а потом решил съездить к нему на могилу. Не знаю зачем. Из одних суеверных соображений, наверное.

Для того чтобы найти родственников Женьки, мне пришлось серьёзно постараться. Ведь я знал только город, где он жил, его имя и фамилию, ну и ещё имя матери. Где я только не искал. И наконец связался с его матерью.

Я сначала и не понял, что это та самая женщина. Всё совпадало, кроме одной детали – её сын был жив. Инвалид, но живой. Я подумал, может быть это другой сын? Нет. Оказалось, что это был Женька.

В пятнадцать лет он заболел воспалением лёгких. Пережил сильный жар, но уже не стал прежним. Когда температура поднимается выше сорока двух градусов, мозг начинает сгорать. Вот он и остался инвалидом. Не говорит, не выказывает никаких эмоций. Только ходит, ест и спит. Поэтому Женька и перестал учиться в подростковом возрасте, а по школе стали ходить слухи, что он умер.

Я столько лет думал, что так оно и есть. И не мог поверить, когда узнал, что друг моего детства жив. Поехал в гости, чтобы убедиться лично. Его мама радушно меня приняла. Для своего возраста она выглядела довольно хорошо. К тому же оказалась бодрым и жизнерадостным человеком, так и не скажешь, что живёт с сыном-инвалидом.

А тридцатилетний Женька никак на меня не реагировал. Он сидел на диване, худой и сутулый. В старой майке, в спортивках с пузырями на коленках. Он только повернул голову в мою сторону, когда я вошёл.

– Ну, привет, Женька, – сказал я. – А мне говорили, что ты умер.

Женька теперь выглядел не на два года старше, а на все десять. Смотрел он на меня равнодушно, будто не на человека, а на какое-то препятствие между ним и стеной.

– Он не разговаривает, – сказала его мать. – За пятнадцать лет ни слова не сказал.

– А чувства какие-нибудь выражает? – спросил я потихоньку, боясь неосторожно обидеть старого друга.

– Ну, если его рано разбудить, то обязательно состоит недовольную мину, а так нет, – женщина рассмеялась, будто сказала шутку. – Он у меня как кот. По квартире бродит. Телевизор включишь – смотрит. Есть позовёшь – поест. Может сам себе пельмени сварить, чайник на плиту поставить. Моется сам, а бриться не бреется.

Потом мы пили чай. И Женька с нами сидел, жевал бублик, никак не реагировал ни на меня, ни на мать, будто нас не было. Я смотрел на него и думал, неужели это он тот самый парень, который играл на гитаре и писал песни, который бежал на речку в шесть утра встречать рассвет.

Помнит ли он что-нибудь? Думает ли о чем-нибудь? Я об этом спрашивал и себя, и Женкину мать, а она только пожимала плечами, будто ей это совсем не интересно.

Я так и не решился рассказать женщине о том, что слышал голос её сына из радио.

Но если Женька не умер, тогда чей голос я слышал? Может быть, живое только его тело, а душа Женки обитает где-то в радиоволнах. Или, может, какое-то другое существо похитило его голос и разговаривало со мной... Сначала помогло, а потом пытались убить. Тут чего угодно можно насочинять. Но я предпочитаю думать, что тот голос не был моим другом.

А радио в машине я больше не слушаю, даже магнитоу вынул и положил в бардачок. И приёмник тот старый из дома выбросил. Вообще стараюсь держаться подальше от тех мест, где включено радио. Да и геройствовать меня теперь совсем не тянет.

Убийца с костяным ножом

Уверен, вы и без меня понимаете, что работа криминалиста совсем не такая, как в детективах и триллерах. Но только сотрудники полиции знают насколько велика эта разница. За годы работы в следственных органах у меня было только одно по-настоящему загадочное дело. И хотя оно раскрыто, его мистическую тайну мне никогда не постичь своим умом. Я уже смирился с этим.

Скажу откровенно, именно о таком деле я мечтал с ранней юности. Именно детективы и кино вдохновили меня стать криминалистом. В реальности же убийства либо просто непонятны, либо однообразно-скучны. Это для вас звучит цинично? Что же, работа есть работа...

Непонятны – это когда найдут в лесу разложившийся труп с пробитой головой, и на этом всё. Если его удастся опознать – уже будет большой удачей.

А скучны – это когда два собутыльника поссорились и один другого убил. И обязательно это кто-нибудь видел или слышал. Чаще всего убийцы не слишком умны. Вот был такой случай: нашли в квартире задушенного молодого алкоголика. По беспорядку было ясно, что тут случилась типичная пьяная драка.

Из квартиры вынесли телевизор. В гостиной одна тумба стояла и пыльный след на ней. Вопрос соседям: «С кем этот парень бухал?». Соседи говорят: «Мужик к нему ходил из соседнего подъезда».

Пошли туда – дверь нараспашку. Заходим, смотрим: храпит на диване пьяный мужик, на столе перед ним дешёвый, но современный телевизор – показывает программу «Время». А на полу под столом стоит его старый, пузатый Funai. Вот и преступление раскрыто.

Город, где я жил, был маленький. Там только такое и происходило. Мне моя работа нравилась, но всё же я тихо мечтал, что однажды мне попадётся какое-нибудь запутанное дельце, и чтобы обязательно его раскрыть.

Не подумайте дурного. Я не хотел и того, чтобы алкоголики друг друга убивали. Это были просто фантазии – воспоминания о романтической юности.

Но это случилось. Однажды в начале июня была убита молодая девушка. Тело нашли в овраге у леса... Приезжий дачник катался на велосипеде, увидел на дороге лужу крови, а от неё тянулся след в траву. Сам он туда не полез, но в полицию сразу позвонил.

Девушка в спортивной форме скончалась от многочисленных колотых ран. Искромсали тело острым предметом. Наш медэксперт не решался сказать, что обычным ножом. Странные были какие-то раны.

Мотивы убийства тоже не ясны: девушка красивая, но убийца даже раздеть её не попытался. На девушке была спортивная борсетка, в ней телефон и немного денег – ничего не взяли.

Девушка вышла на пробежку, а на неё кто-то напал и убил. Это всё, что мы знали. Версия, что в окрестностях завёлся маньяк, тогда не поднималась. Думали, что это какая-нибудь месть за разбитое сердце. Общались с близкими, спрашивали про романтические связи. Под подозрение попал один местный недоумок, который докучал девушке долгое время.

Но его отпустили, когда появилась вторая жертва. Рядом с тем местом, где и первая. На этот раз убитым был мужчина. Невысокий такой, щупленький. У него была сломана челюсть, практически раздроблена. Будто камнем ударили. Мы так и думали, что камнем... И была всего одна колотая рана в живот. Похоже, тем же острым предметом. Мужичок тот, скорее всего, просто шатался без дела по дороге у леса. Его считали местным дурачком. Не повезло бедняге, думали мы.

После этого наше отделение переполошилось. Весь лес прочесали, дежурили посменно. Патруль по городу усилили. Результатов не было. Только пару отморозков задержали, которые в тех местах обворовывали дачи.

Следующее убийство случилось в конце августа. Три смерти за одно лето. Тело нашли на поле, в километре от тех мест, где были первые две жертвы. Убили женщину пятидесяти лет. Маньяк... теперь было очевидно, что маньяк... нанёс несколько колотых ранений в спину.

В тот день у меня появилось ощущение, что мы его уж точно поймаем. Преступник был слишком привязан к месту, несмотря на то, что полиция взяла его на контроль. Поимка душегуба стала вопросом времени.

После того как в теле последней жертвы нашли крохотный осколок орудия убийства, маньяка нарекли «дикарём». Это был осколок от заточенной кости или костяного ножа.

Я горел этим делом. Засиживался на работе допоздна, листал пожелтевшие папки ещё советских времён. Обычно этого у нас никто не делал – следователи изучали только те архивы, что внесены в компьютеры.

Однако не зря я этим занимался. Нашёл одно старое дело, схожее с нашим. В восемьдесят шестом году в тех местах нашли растерзанное тело мальчика. По описанию очень похоже на наш случай. Только это не посчитали убийством – решили, что ребёнка задрал кабан. Тогда они там и правда водились.

В новом архиве я прочитал ещё кое-что: за год до убийства девушки в лесной чаще нашли труп старика. Точнее, одни кости и тряпьё. Скелет пролежал на земле не меньше двух лет, не закопанный. Что с ним случилось: откуда кому знать? Может, бродил старик по лесу, грибы собирал – и сердце прихватило. Мало что ли таких случаев? Но тот же самый лес... Складывая всё это в цепочку, я подумал, что убийца и сам должен быть не молод, если ребёнка в восьмидесятых убил.

С моей подачи в отделении «дикаря» стали называть «старым дикарём», хотя я был против. Поставые чаще проверяли пенсионеров. Сам того не сознавая, я пустил расследование по ложному следу. Но поймать убийцу всё равно было суждено мне. Я обходил места убийств почти каждый день. От меня этого не требовалось, просто хотелось быть рядом, когда маньяка схватят.

Помню, уже в октябре я приехал туда под вечер. Начало смеркаться. Я остановился на дороге там, где убили молодую спортсменку. Вышел из машины, хотел просто постоять, пораскинуть мозгами. Достал сигареты, закурил.

И слышу я из леса всякие шорохи... То будто кто-то через кусты пробирается. Я повернулся туда, откуда шёл звук, и положил руку на кобуру. Тут он на меня и выскочил. Здоровый, свирепый. Будто не человек, а дикий зверь, он бежал на меня, брызгая слюной, издавая хрипящие звуки. И нож наготове, будто огромный зуб какого-то первобытного хищника.

Я не успел крикнуть «стой!», только выхватил пистолет и сразу выстрелил. Продырявил ему живот справа. Если бы хоть на миг замешкался, то сам бы лежал с ножом в груди.

Безумец распластался на асфальте и застонал. Нож откатился в сторону. Я и не успел испугаться, пистолет в руке держал твёрдо. Склонился над раненым, посмотрел в его лицо: а это молодой парень. Было ему чуть за тридцать на вид. И ведь не урод какой-нибудь – смазливый, таких девушки любят. Крепкий, мускулистый. Что странно: одет был слишком легко для октября. Были на нём джинсы и футболка. Потом только я узнал, что куртку он сбросил, когда собирался на меня напасть.

Чтобы исключить всякую опасность, я подобрал нож и машинально сунул его в кобуру. И вдруг на парня нашёл новый приступ безумия. С ужасным воплем он вскочил на ноги и бросился на меня. Я выстрелил не целясь. Мимо. Парень вцепился в меня железными руками.

Я пытался его повалить, а он был как в землю вкопанный. Я стал рваться и вырвался, но уже без пистолета. Когда я увидел своё оружие в руках маньяка, то почувствовал, как моё сердце твёрдо стукнуло по рёбрам только один раз, а потом провалилось куда-то вниз.

«Сейчас меня застрелят из моего же оружия», – подумал я.

Только парень повёл себя нелогично – бросил пистолет в кусты и снова кинулся на меня. «Верни нож!» – заорал он и снова вцепился в меня. Рука будто сама потянулась, я нащупал рукоятку и со всего маху всадил безумцу нож в бок. Тут он и обмяк в моих руках.

Мои ребята подъехали быстро. А скорую пришлось подождать. К счастью, наш «дикарь» остался жив. Пуля не задела жизненно важные органы, бок я ему тоже вроде не сильно подранил.

Парня начали допрашивать сразу, как он пришёл в себя. «Дикарь» пообещал, что всё расскажет, но только тому, кто его поймал. То есть мне.

Я приехал к нему в пять часов утра. Мне не терпелось. Лежал он в пустом крыле нашей медсанчасти. У нас там была старая договорённость, и койка стояла специально для пострадавших преступников: на одной руке наручники, в другой руке капельница.

Парень был плох. Лицо зелёное, голову от подушки оторвать не мог, но говорил охотно. Звали его Александр, он был женат. Детей не было. Вёл здоровый образ жизни, участвовал в экстремальных забегах. Вырос в благополучной и полной семье. Очень необычный портрет для маньяка.

Сознался он в двух убийствах. Сказал, что убил только мужичка и женщину, которая собирала травы. Молодую спортсменку он якобы не трогал. Скелет старика в лесу тоже на себя брать не хотел. Про мальчику я и не спрашивал – нашего убийцы тогда ещё и на свете не было.

Главным для меня был вопрос: зачем убивал? И ответ был вполне конкретный. Парень считал, что этот костяной нож свёл его с ума.

Я проверил работает ли диктофон, а потом придвинулся поближе к койке и попросил парня очень подробно рассказать о том, где он взял этот нож, и обо всём, что случилось потом.

Вот история с его слов:

«У меня никогда не было желания убивать. Более того, я не очень-то переносил вид крови. Ужастиков про резню не любил...

На дороге за городом я часто тренировался – готовился к забегам. В начале лета прочитал в местной газете, что в тех местах убили девушку. Но бегать там не перестал, потому что считал всё это слухами. Комментариев полиции по этому поводу не было, а в газете этой всякую ерунду пишут... Да и потом я же не девушка! Думал, на меня не нападут. Трасса там хорошая. На прямой у «пожарки» специальная разметка есть – можно интервалы бегать. У дач сложная горка, а от леса можно длительную бежать километров пятнадцать...

Как-то вечером бежал мимо леса. Погода была замечательная: прохладно, после дождя. Вокруг на дистанции ни людей, ни машин не встречал. А потом в нескольких метрах от меня из леса выскочил этот упырь. Глаза у него были красные, дёсны чёрные, он рычал, прыгал на месте и бежал на меня с ножом.

Когда он приблизился, я ему вмазал по лицу, так сильно, что он отлетел назад, перекувыркнувшись через себя. Не рассчитал немного... Он был без сознания, но рука ещё крепко сжимала рукоятку ножа. Я с трудом разжал его пальцы. Стал разглядывать, что это за нож такой... Пожелтевшая крепкая кость, заточенная с двух сторон, рукоятка переплетена чёрным кожаным шнурком. Наверное, так выглядело первое оружие наших предков.

А потом этот мужик пришёл в себя, вскочил и кинулся на меня. Не знаю, как так получилось... Я выставил руку вперёд, а он так и налетел на нож. Защититься хотел, но не убить.

И вот теперь стоял я над мертвым телом с окровавленным ножом, не представляя, что мне делать дальше. Посчитали бы это самообороной? Тот мужик был явный псих, и я догадался, что если кто-то и правда убил девушку, то, скорее всего, это был он. И всё же я теперь и сам стал убийцей. Можете представить, каково мне тогда было? Я же просто вышел из дома побегать!

Мне подумалось, что лучший вариант для меня – унести оттуда ноги. Труп я не трогал. Нож унёс с собой, отмыл его от крови в роднике. Хотел выбросить в лесу, но не смог. Боялся,

что найдут и снимут мои отпечатки пальцев. Может быть, это наивно. Я не знаю, как это у вас работает.

Бегать по тем местам не перестал, но охоты стало меньше. Постоянно вспоминал того мужика. В газете про это ничего не написали, только встречать полицейских стал чаще.

Как-то раз я остановился... Бежал длительную, но остановился. Никогда этого не делал. Свернул в лес, стал бродить, думать. Трудно мне было последние недели, но походил по лесу и успокоился немного.

С тех пор стал часто туда ходить. То по лесу, то по полю, то к роднику спущусь. И пришла как-то мысль, что надо бы тот костяной нож с собой взять. Безумие же! Но если мысли от себя гнать, то они снова и снова будут возвращаться.

Нож лежал у меня в гараже, завёрнутый в тряпку. Я иногда доставал его, разглядывал. Хотел молотком расколоть, только каждый раз меня что-то останавливало. Будто жалко было.

Взял я с собой нож. Не думал никого убивать, просто хотел, чтобы он был рядом, лежал в руке. Там всюду ваши ребята были, а я шастаю по полю с этим оружием! Поначалу было страшно, а потом как будто так и надо. Нож лишил меня всяких страхов. Он же будил во мне странные желания. Бывало хотелось разжечь костёр и долго сидеть у огня. Хотелось снять одежду, побегать по травам. Временами я наслаждался отсутствием мыслей и чувствовал природную полноту. Будто становился первобытным человеком. Рассудок терял, да?

Ту женщину я встретил случайно. Она сама со мной заговорила: рассказывала, что собирает иван-чай. Я шёл за ней, а она всё рассказывала про то, что Гитлер хотел уничтожить эту целебную траву, и ещё про то, что иван-чай нужно не просто засушивать, а как-то по-особому перетирать. Чудаковатая женщина.

Когда она привыкла к моему присутствию и перестала на меня оглядываться, я вынул нож. А потом взял и тыкнул ей в спину. Где-то в область печени. Женщина не закричала, а только захрипела. Она издавала какие-то звуки, словно ей было трудно дышать. Так бывает у астматиков.

Я бил её в спину ножом, пока она не перестала дёргаться. Думаете, я этого хотел? Это само собой произошло. Но я делал это с восторгом. Однажды я видел, как собака трепала полухвостую крысу. Вид у той собаки был радостный и возбуждённый. Кажется, я теперь понимаю, что чувствовала собака...

Только когда я возвращался домой, то решил, что должен покончить с собой. И чем раньше, тем лучше для всех. Я знал, что если этого не сделаю, то снова туда вернусь и снова буду убивать. Не я был себе хозяином. Нож был моим хозяином. Думаю, то же самое случилось и с тем парнем, которого я убил первым».

Выслушав историю «дикаря», я задумался, могло ли быть такое на самом деле? Человек непреднамеренно убил маньяка, а потом на этой почве тронулся умом и сам стал маньяком. Да, такое быть могло. И мистика тут не при чём.

Тот предыдущий мужичок мог убить и старика в лесу. Но растерзанный мальчик в восемьдесят шестом году не мог быть его работой. Тот убитый мужичок сам был ребёнком в те годы.

В то, что было несколько поколений убийц с одним и тем же ножом, я не верил. Это уже мистика, а в моей работе не было места мистике. Меня интересовали только факты.

Сразу много я из «дикаря» выпытывать не стал. Врачи говорили, что на таком теле быстро заживут любые раны, и я готовился, что скоро мы с этим парнем поговорим в другом месте. Но оказалось, что этот оптимизм был напрасным. Состояние Александра день ото дня только ухудшалось. Он худел, слабел, дошло до того, что у него отнялись ноги. И наручники стали лишними. Его и врачи уже не опасались такого беспомощного.

Слабел он не только телом, но и рассудком. Начал нести какой-то бред про то, что нож отрёкся от него и ему нужно провести последний кровавый ритуал – принести себя в жертву.

Он требовал нож. До последней нашей встречи требовал. Пытался меня шантажировать, отказывался со мной говорить, если я не принесу ему нож.

Я провёл у его койки две недели. Смотрел, как парень угасает. Врачи пожимали плечами, не знали, что происходит. В конце концов, мне стало понятно, что он с этой койки не встанет.

Когда мы встретились в последний раз, Александр посмотрел мне в глаза и спросил:

– А ты уже это почувствовал?

– Почувствовал что? – не понял я.

– Ну, как это назвать? Зов, – ответил он. – Хочешь взять нож, пойти туда? Ведь нож тебя теперь выбрал. Ты дал ему крови.

– Какой ещё крови? – я уже всякого от него наслушался и легко раздражался, когда он снова начинал нести бред.

– Моей крови, – спокойно ответил парень. – Ты же меня убил. Этим ножом.

Я на эти его штучки не клюнул. Всякий серийный убийца – мистификатор. Этот хоть был не обычный, но не исключение.

Тот наш разговор с ним был последним. Врачи говорили, что всю ночь в горячке он повторял «Нож! Нож! Дайте нож!» и скончался под утро.

А в ноже том не было ничего особенного. Такой может сделать любой выживальщик. Просто выточенный из кости, рукоятка туго обмотана шнурком из натуральной кожи. Нож старый, но не древний. Лет пятьдесят ему, не больше – так сказал наш эксперт.

С женой Александра я виделся дважды. Она говорила, что парень всегда был нормальным, только в последние несколько месяцев начал вести себя странно. Бывало, говорил, что идёт бегать, а сам надевает обычные ботинки и джинсы. Пропадал на несколько часов.

«Однажды пришёл поздним вечером, а от него дымом пахнет, – вспоминала его жена, утирая слёзы. – Я спрашиваю: где был? Он так и ответил, что был в лесу. Я спросила: с кем? Он сказал, что один. Всё думала, что он другую нашёл».

В те места, где произошли убийства, и туда, где на меня напал Александр, я вернулся только следующей весной. Первый раз когда сошёл снег, второй раз когда зазеленела трава. На третий раз одёрнул себя: зачем я сюда приезжаю? Сам себе не мог ответить.

Однажды спустился в архив. Достал костяной нож из коробки, стал рассматривать его через пакет. Не было в нём нечего такого, но ведь глаз не оторвать! Стал ходить снова и снова, доставал нож, смотрел, гладил, вынимал из пакета. Особенно часто это случалось, когда сильно нервничал на работе. Не понимал, что делаю. Тогда-то я и вспомнил последние слова убийцы.

Был момент, когда я в очередной раз приехал в те места, бродил по полю и тут мне в голову пришла мысль: «Хорошо бы в следующий раз костяной нож с собой взять». Мысль была настолько яркая, что я это вслух пробормотал. И вдруг я осознал, что сжимаю и разжимаю правую руку, а ладонь у меня вспотела.

С той минуты я решил, что с меня хватит. На той же неделе подал на увольнение. Меня все уговаривали остаться, но я ни в какую. Попрощался с любимой работой. Квартиру тоже вскоре продал. Увёз жену и двоих сыновей в другой город, хотя никогда не мечтал о переезде. В органы не вернулся. Открыл своё охранное предприятие. Дело пошло хорошо, семья ни в чём не нуждается. А меня порой одолевает скука. За год я сильно изменился: насидел брюхо, на лбу стали появляться залысины. Однако я себя убеждаю, что лучше так, чем сойти с ума.

И всё же иногда бессонными ночами меня тревожат мысли: ведь в любой день я могу доехать до родного города. Зайти к бывшим коллегам повидаться. Они же меня не прогонят. И, наверное, ключ от архива висит на том же месте. Его можно взять незаметно, спуститься в архив потихоньку, никого не встретив. А там на одной из полок в коробке пылится мой нож. И если его унести, никто никогда не спохватится... Гоню я от себя эти мысли. Гоню, как только могу.

Интервью с охотником за привидениями

Вообще-то я готовил для своей газеты интервью с успешным предпринимателем. Однако мой собеседник, Владимир, вскользь упомянул о том, что в середине 90-х он подрабатывал «охотой на привидений». Разумеется, это было чистым шарлатанством, но мне стало так любопытно, что я уговорил Владимира рассказать об этом поподробней.

Предприниматель, которому было около сорока пяти лет, смущался, пытаясь вспомнить грешную молодость, но было заметно, что ему и самому хочется поболтать о своей мошеннической подработке.

– Расскажите, как вы охотились на привидений? – наконец спросил я.

– Дурью маялись, – смеясь, ответил он. – Разместили объявление в трёх газетах и номер телефона указали.

– Что, так и написали: «Ловим привидений»?

– Смешнее. «Охотники за привидениями». Взяли из фильма. Ниже мелким шрифтом перечислили виды услуг, вроде очистки квартир, офисов от отрицательной энергии и прочую ерунду.

– И вам звонили?

– Ха! После перестройки газеты по швам трещали от мистических историй. Народ их с удовольствием читал и многие тогда и вправду решили, что в их квартирах поселился полтергейст.

– А сколько вас «охотников» было в команде?

– Двое, вроде как... – не совсем уверенно сказал Владимир. – Я и мой друг детства – Мишка. Забавный такой толстяк-неумёха. Помню, как он стол директора какого-то издательского дома перевернул, когда полез под него искать барабашку...

Я улыбнулся.

– Так вы приходили на дом к тем, кто вас вызывал и опрыскивали углы святой водой или?..

– Нет! Всё «по науке»! Подражали героям всё того же фильма. У нас было «антипривиденческое» оборудование – всякие шипящие устройства с кучей проводов. Некоторые из них мы сделали сами. Мишка больше всех любил паять схемы...

– Ну, а клиенты? Неужели это были не только простофили? Вы упомянули директора издательского дома.

– Думаешь, среди директоров дураков нет? Полным-полно! Но в основном – да, обращались либо очень странные, либо очень мнительные люди. Бывало, что и просто одинокие. Вот однажды нас с Мишкой вызвонила пожилая художница, утверждая, что портрет её матери, написанный ей самой, следит за ней глазами. Когда мы пришли, то про этот портрет художница сказала два слова. В остальное время показывала нам другие картины и поила чаем. Заплатила щедро и поблагодарила за компанию. Но стоит сказать, что несколько раз мы сталкивались с настоящим полтергейстом... или как его назвать? Короче, с чем-то необъяснимым. Правда, тут мы ничем не могли помочь.

– Что? Серьёзно? Видели, как вещи по дому летают? – дразнил я Владимира наигранным скептицизмом.

– Поверь мне, да. Сам никогда в эту чушь не верил, но когда своими глазами видишь... Короче, было дело.

– А подробнее? Расскажите самый интересный случай!

– Ну-у-у, – протянул Владимир. – Самый интересный случай я лучше прибегу на потом. А вот впервые у меня волосы на голове зашевелились, когда мы побывали в гостях у одного мужичка. Он утверждал, что в его квартире телевизор и радиоприёмник живут своей

жизнью. На телевизоре сами собой переключались каналы, делался громче и тише звук, а иногда экран мелькал разными цветами, совсем не похожими на обычные помехи. Радио и вовсе являло странные голоса, особенно мужичка напугал грубый мужской бас, который запретил ему крутить ручку настройки волны. Причем дядька был адекватный, впечатление психа не производил, но нам доверял, как специалистам.

– Радио и с вами заговорило? – спросил я.

– Нет. Необычные помехи на экране телевизора были, но помехи и есть помехи. Меня напугало другое... У меня была такая штука, что-то вроде рации, только она предназначалась для передачи азбуки Морзе. Я её всю перемотал изолентой и выдавал за индикатор аномальных явлений. Если нажать на круглую красную кнопку – раздавался пищущий звук, если на прямоугольную сбоку – отрывистый шипящий. На некоторых людей это производило впечатление. Так вот в квартире того дядьки мой «индикатор» сошёл с ума. Когда я направил антенну на экран мерцающего телевизора и нажал на круглую кнопку, из динамика послышался не привычный писклявый звук, а вырвался ураган писка! Сначала прибор просто запищал, только в несколько раз громче, но с каждой секундой звук нарастал и превратился в такой рёв, что стало больно ушам. Даже Мишка с мужиком схватились за головы. А самое главное, кнопку-то я отпустил, но прибор орал, как турбина самолёта. Серьёзно тебе говорю! Такой маленький динамик никак не мог издать такой оглушительный звук... Я потом раскрутил, любопытства ради, там стоял динамик с пятирублёвую монету... Короче, «индикатор» орал, пока я не вытряхнул из него батарейку.

– Занятно.

– Было и лучше. Правда, это видел только я. Нас пригласили к себе домой немолодые супруги... Ну как немолодые? Тогда они мне такими стариками казались, а сейчас мне и самому без пяти пятьдесят. В их двухкомнатной квартире творилось как раз то, что принято называть полтергейстом. Качалась, а иногда и крутилась вешалка в прихожей со скоростью центрифуги, билась посуда посреди ночи, открывались и закрывались двери... Это всё из рассказов, но они оба – жена и муж – убеждали нас в этом. Не могли же они спятить на пару? И не стали бы супруги платить деньги для того, чтобы разыграть молодежь? Так вот, показывали нам квартиру, я остался в одной из комнат, а Мишку повели куда-то ещё. Чтобы не терять времени даром, я вытряхнул свои безделушки на пол и начал распутывать провода. Сижу, ковыряюсь и вдруг слышу – что-то ёрзает прямо передо мной, будто кто-то скребет палкой по полу. Сначала я не обращал внимания, но вспомнив, что в комнате один, поднял глаза и увидел деревянный стул. Он перемещался чуть влево и чуть вправо, сам по себе, будто скрепка под воздействием магнита. Я выпрямился, думаю: «Ну его нафиг!» – и двинулся к выходу, но тут стул резко сорвался с места и поехал по полу за мной. Вот я перепугался! Выбежал с выпученными глазами.

– Вот это да! – не выдержал я. Меня не столько сама история удивила, сколько то, что умный, образованный мужчина при галстукке сидит и травит байки. – А дальше что было?

– Да ничего. «Просканировали» всю квартиру своими приборами и ушли восвояси. Это, естественно, людям не помогло, – подмигнул мне Владимир.

– Ну а что там с этим... самым интересным? – не терпелось мне.

Владимир выдержал паузу, будто собираясь с мыслями. Я дал ему время. Мы сходили покурить. Вернулись, снова уселись напротив друг друга, и он продолжил, но уже без улыбки:

– Этот случай вряд ли можно назвать затейливым. Лично меня он несколько печалит... Обычно нашу подработку мы находили весёлым занятием, но не в этот день. Погода стояла пасмурная. Поздняя осень была. Всё уныло, грязно. Я сидел за рулем. Мишка, как всегда, расположился на задних сидениях. Как правило, в дороге он всегда шутил и смеялся, но тогда он спал на ходу. Приехали мы по записанному адресу, ориентируясь по указателям. Я припарковал машину во дворе старого четырёхэтажного дома. Там жила молодая женщина, которая

нас и вызвала. По телефону она разговаривала так плаксиво и отчаянно, что мне сразу подумалось, что у неё с головой не всё в порядке. Наш клиент, что сказать... Растолкал спящего Мишку, выгрузили мы из багажника сумки с «оборудованием» и потащились на четвёртый этаж. Дверь нам открыл пожилой человек интеллигентного вида, который сразу же сказал, что мы приехали зря. Мы оторопели и не решались входить, потому что старик-профессор – это я окрестил его «профессором» – нас не приглашал.

«Не надо, ребята. Идите. Давайте я вам заплачу за ложный вызов, и идите себе», – говорит. Причём так мягко и тактично, что мне стало неудобно.

Я на Мишку оглянулся. Тот пожал плечами. Пусть мы были своего рода мошенниками, но я был слишком совестливым человеком, чтобы навязываться, когда нас не хотят.

Но вдруг вмешалась та самая женщина со словами: «Пап, пожалуйста, дай мне с ними поговорить!» – и оттащила «профессора» в сторону. Вид у женщины был довольно жалкий: волосы растрёпанные, опухшие заплаканные глаза.

«Понимаете, мой сын пропал! Был со мной рядом и исчез! Я вам уже говорила по телефону... Вот там, в кладовке», – она всё указывала дрожащим пальцем на фанерную дверь.

«Ребята, послушайте, нет у неё сына и не было никогда!» – воскликнул «профессор», после чего я окончательно убедился, что мы связались с шизофреничкой.

«Вы уж посмотрите. Пожалуйста. Умоляю! Я уже не знаю, что мне делать! Кого просить!» – женщина заплакала, а старик ушёл в комнату, мол, ладно, делайте, что хотите.

По словам женщины, в эту квартиру они переехали недавно – она и её шестилетний сын Виталька, который якобы пропал. Спустя несколько дней после переезда «мать» и её сын наводили порядок в кладовке. Старые хозяйка скопили много хлама. И вдруг мигнула лампочка под потолком, после чего её сына не стало. Хозяйка была уверена, что Виталька стоял рядом, копошился в барахле, а потом всего пара секунд без света – и он просто исчез!

Мишка начал задавать какие-то дурацкие вопросы, будто не слышал замечание «профессора» на счёт того, что не было никакого мальчика. Когда хозяйка в десятый раз повторила про то, как исчез её сын, я попросил разрешения осмотреть ту самую кладовку. Думал, посмотрим, скажем какую-нибудь чепуху и уберёмся отсюда к чёрту. Не люблю женских слёз.

Женщина угомонилась, щелкнула выключателем, который был снаружи, и распахнула перед нами фанерную дверь. Сама она туда даже смотреть боялась, однако кладовка была всего лишь кладовкой: площадь – четыре квадрата, на полу картонные коробки, несколько рулонов обоев и ящик с инструментами.

Я попросил оставить нас ненадолго. Женщина послушно ушла, и мы для вида забурились в тесную комнатушку. Лампочка действительно была плохая, светила то ярко, то тускло, при этом трещала. Туда бы электрика, а не нас... Я стоял и думал, что сказать людям, когда мы выйдем, а Мишка с любопытством озирался, будто и вправду искал уголок, куда мог бы спрятаться ребёнок. Честно бы заржал над его тупой физиономией, но боялся, что хозяйка услышат.

Так вот, только я засобирился скомандовать «на выход», лампочка особо шумно затрещала и погасла. Мы оказались в полной темноте. Тут на меня наплыл такой ужас, что я вскрикнул, как девчонка. Не знаю, что тогда на меня нашло, но я чуть не обмочился от страха. Рванулся к двери, но врезался в пузо Мишки. Он схватил меня за плечи и всё повторял: «Ты чего? Ты чего?». Свет снова загорелся. Передо мной стоял мой друг, бледный, как простыня, лупал глазами. Ничего не произошло. Мне даже стало неловко, но по-прежнему хотелось поскорее покинуть кладовку и больше никогда туда не заходить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.